

О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

200 лет назад родилась Анна Петровна Керн

Александр Вязцев

ГЕНИЕВ окружают музы. В простых земных женщинах они (гении) различают богинь и создают в их честь гимны. Жизнь была бы пуста без обольщений и любви, сколько бы ни таилось здесь обмана. Выпадая через *страсть* из линейного пространства, поэт теряет объективность и равновесие и пишет гениальные строчки, продиктованные *бесом языка*. Поэт попроще просто старается изо всех сил, чтобы охмурить понравившийся предмет. Впрочем, метод Пушкина был иным. Петр Андреевич Вяземский писал: «...в нем глубоко таилась... неодолимая потребность творчески выразить, вытеснить (выделено мной. — А.В.) из себя ощущения, образы, чувства».

Керн недолго была музой поэта, хоть их отношения, весьма тесные, длились несколько лет. Поэт, как мотылек, покружился над цветочком, вдохнул пыльцу и улетел. Цветку мало вреда, поэзии значительная польза.

Письма Пушкина к Керн чрезвычайно откровенны. И мы должны быть благодарны ей хотя бы за то, что она их сохранила. Может быть, потому, что не очень дорожила добрым мнением. Анна Петровна Керн (урожденная Полторацкая) росла в семье вольтерьянца и капризного самодура. Выданная в семнадцать лет вполне насильно за дивизионного генерала Ермолая Федоровича Керна, который был в три раза ее старше, она всю жизнь питала к мужу полуравнодушные-полуненависть. Потому была обречена на поиски любви вне границ семейного очага. С тем большим успехом, что всегда пользовалась

Александр Пушкин и Александр I находили ее очаровательной.

мужским вниманием. Сам император Александр I находил ее очаровательной. Кроме того, она была весьма умна, рассудительна и обладала талантом делать хорошую мину при плохой (в смысле нравственности) игре.

Кто в чьей биографии был эпизодом, Пушкин ли у Керн или Керн у Пушкина, трудно сказать. «Потому что у великой царицы бы-

ло много...» Собственно, первые стихи о Клеопатре принадлежат к 1824 году, а в 1825 поэт знакомится с Керн в Тригорском (то есть возобновляет знакомство). В том же году он пишет ей в Ригу: «Как я вам буду признателен, если смогу расстаться с жизнью, узнав счастье!»

«Счастье» поэт, по всей видимости, узнал. Некоторых людей

после этого действительно надо казнить, чтобы они не перепрыгивали немедленно от поклонения к полному цинизму. «Царица» за это уже не казнила. Если что и казнило поэта, то лишь ревность. Вероятно, этим объясняются грубые эпитеты в адрес Керн из писем Пушкина поздней поры. Керн к его памяти была более шепетильна. Но, превознося до небес талант Пушкина, могла вставить запоздалую шпильку: «...несмотря на всю свою гениальность, он не всегда был благодарен, а иногда даже не умен».

После возвращения Пушкина в Петербург в 1827 году Керн была при нем постоянно, хоть уже не в должности музы, но в должности хорошей приятельницы и, верно, даже больше. Она, одна из немногих женщин, оставила о нем любопытные воспоминания. Оставаясь хороша собой, она в сорок два года второй раз вышла замуж — за двадцатидвухлетнего юношу, причем брак был заключен по страстной взаимной любви.

Некоторые писатели, накладывающие руку на Пушкина, удивляются и приходят к нешуточным выводам о его бесовской природе благодаря фактам пушкинского непостоянства и необъяснимой двуличности: от «Я помню чудное мгновенье...» и «гения чистой красоты» (заимствованного, впрочем, у Жуковского) до матерной феи в частном письме по поводу того же лица. Ради большего эффекта они сближают эти два события во времени, тогда как реально между ними пролегал три года. Ничего особенного: чем больше человек добивается, тем меньше он склонен это превозносить. Однако новым «пушкинистам» надо во что бы то ни стало найти сенсацию и скан-

дал. А попросту соблазн. Соблазн для черни развешать гения, о чем упреждающе писал сам Пушкин, впрочем, как всегда, без всякой пользы.

В писаниях этих специалистов Пушкин предстает ничтожным бесхарактерным похабником, циником и распутником, увязшим по уши в страстях и лицемерии. Интересно, как этот бесхарактерный человек за весьма короткий срок смог написать такое количество великолепных произведений, требующих нешуточного труда?

Но что бы ни писал Пушкин о Керн в известный период своей жизни, как бы ни вел он себя с женщинами (по словам той же Керн: «...Пушкин скорее очаровывался блеском, нежели достоинством и простотой в характере женщин...»), все это искупает (уж если Пушкину перед нами надо что-то искупать) другое свидетельство все той же Керн о событиях уже позднего периода их взаимоотношений: «Когда я имела несчастье лишиться матери и была в очень затруднительном положении, то Пушкин приехал ко мне и, отыскивая мою квартиру, бежал со свойственной ему живостью по всем соседним дворам, пока наконец не нашел меня. В этот приезд он употребил все свое красноречие, чтобы утешить меня, и я увидела его таким же, каким он бывал прежде... вообще был так трогательно внимателен, что я забыла о своей печали и восхищалась им, как гением добра».

Наверное, Пушкин был не более «гением добра», чем Анна Петровна «гением чистой красоты» — все такие оценки диктуются минутой, но так или иначе она вернула поэту долг, доверившись могучему чувству преувеличения, что и есть поэзия.

Независимая газета - 2000.
— 22 февр — с. 7

22.2.2000.

Пушкин А.С.